
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Виктор Сидорин-Михеев. Тысячелетнее младенчество. На перекрестках нашей горестной и великой судьбы. Историческая повесть-хроника. СПб.: Союз писателей Петербурга, 2019. — 388с.

В многочисленных исследованиях декабристы предстают то как герои, то как авантюристы, далекие от народа, то как злоумышленники. У Виктора Сидорина-Михеева своя версия событий. Выступление декабристов он рассматривает как провокацию, задуманную при дворе, где еще весной 1825 года знали о замыслах членов тайных обществ. Цель провокации — заставить действовать говорунов, ибо нельзя схватить мятежников без их мятежа. Не поймет Европа, забунтует не понимающая причин арестов страна. В книге вообще много заговоров: инсценировка смерти Александра I и его добровольный отказ от трона; смерть Милорадовича на Петровской площади по умыслу Николая I; гибель Грибоедова в Персии, умело подготовленная Николаем I, его царедворцами и англичанами. Английский след проступает часто: именно британец Шервуд предупредил царя о подготовке цареубийства во время военного смута в Белой Церкви, после чего смотр отменили. Центр этих интриг — Зимний дворец и Царское Село. Параллельно идет обсуждение готовящейся ловушки и плана действий в среде тех, кого потом назовут декабристами. Связующим звеном между этими заговорщиками выступает Александр Грибоедов, он — главный герой повести. Он весь в движении: перемещается из Петербурга в Москву, посещает Киевскую губернию и Крым, встречается с ведущими членами Северного и Южного обществ, навещает в Тульской губернии своего друга С. Бегичева, Чаадаева в Москве, заглядывает к Ф. Булгарину, от которого получает важную информацию о дворцовых планах. Естественно, по долгу службы много времени проводит на Кавказе. Единственный шанс избежать ловушки и добиться успеха в задуманном преобразовании России Грибоедов видит в том, чтобы объединить своих единомышленников и «проконсула Кавказа» Ермолова, за которым в силу его авторитета может пойти вся Россия, подготовить их к совместному выступлению. Не стоит искать в этой книге исторической достоверности. На многие несоответствия исторической реальности в заключительной статье указывает, признавая право автора на создание своего мира, знаток той эпохи Я. Гордин. Так, пишет он, что не был скептик Грибоедов ярым карбонарием, как и Ермолов — революционным радикалом. Добавим еще, что слишком уничижительно изображает автор Романовых: «Романовы сумасшедшие, верящие, что они и впрямь богочеловеки, а страна — их собственность», и Россия нужна им рабская и темная. Ничтожны Александр I и Николай I, Палкин, коварны императрицы. Историческая достоверность здесь подчинена одной идее: утраченному шансу российского общества, российского народа выйти из тысячелетнего гражданского младенчества и построить Россию без рабства, Россию республиканскую, с могучим гражданским движением во славу отечества. Это книга бесед. Текущую ситуацию, планы намечаемые, осуществленные и неосуществленные, обсуждают и при дворе, и в частных беседах. Плетут интриги царь и царедворцы. Подозревают Ермолова, что он может стать во главе заговора. И если Ермолов для власть имущих — бочка пороха, то Грибоедов — фитилек для ожидаемого «пожара». После декабрьских событий неблагонадежного Ермолова сменит на Кавказе верный Паскевич. Готовят гибель «злослычному соловью». Повесить его нельзя, не возмутив общество. И приходит на ум давняя история с молодым Паскевичем, который в бытность свою в Константинополе чудом сумел сбежать от взбешенной толпы турок,

натравленной англичанами на русскую миссию. И, обласкав Грибоедова за удачно заключенный мир с Персией, царь направляет его в Тегеран, в расчете, что англичане «помогут» повторить константинопольскую историю. Грибоедов опасен и тем, что пишет пьесу, где декабрьский бунт изображает как уловку с целью укрепления трона, «запрятано в историю, но угадываются реальные лица». Члены тайных обществ обсуждают обустройство России, ее будущее — республика или конституционная монархия? Как освободить крестьян от крепости, с землей или без? Поляки — союзники или враги, готовые, если англичане гарантируют независимость Речи Посполитой в ее границах, вновь пойти на Московию впереди пруссаков? Возможна ли ставка на Европу? Множественность точек зрения, противоречия, и единственное, что объединяло этих людей — нелюбовь к царю. И потом, после катастрофы в Петербурге, новые вопросы встают перед теми, кто остался на свободе. Загадочно поведение главных участников, из которых никто не принял на себя командования. Почему и как вчерашние бунтовщики, ярые республиканцы стали артистами-статистами? Почему взбунтовалось войск ровно столько, чтобы поместиться на сцене — на Петровской площади? Почему отказался выступить Ермолов? Счел безумием вывести солдат на площадь и стоять без действия, предав солдат на расстрел? И пишет свою пьесу крамольную «Радомист и Зенобия» Грибоедов, уже зная, что обречен царем на гибель в Тегеране. Так чем же был тот крошечный мятеж в большой истории России? Упущенный уникальный шанс взросления гражданского общества, что обрекло Россию на продление гражданского младенчества? Так считает автор. «Дальше будет только углубление расслоения, измельчание сил и деятелей под мантией дряхлеющей монархии».

Н. Валентинов. Два года с символистами. М.: Книжный Клуб Книговек, 2018. — 304 с. — (Литературные памятники русского быта).

Под псевдонимом Н. Валентинов жил и работал Николай Владиславович Вольский (1879—1964) — русский публицист, философ, экономист. Приехав из провинции в Петербург, в годы учебы примкнул к социал-демократическому движению, последовали аресты, ссылки, тюрьмы. После подавления Первой русской революции перешел на позиции меньшевиков-ревизионистов. Октябрьскую революцию не принял, в 1930 году эмигрировал, работал в различных эмигрантских изданиях. И оставил богатое творческое наследие: публицистическое, мемуарное, эпистолярное. Его воспоминания о встречах с московскими символистами — практически единственные мемуары о символистах, написанные не литератором, не критиком и не историком литературы. Впервые они вышли в США в 1969 году, в России опубликованы только в 2000 году. Побуждений написать о московских символистах — Белом, Брюсове, Эллисе, Сергее Соловьеве — у автора было немало. Задел выход очередного тома «Литературного наследия» (1937 год) в СССР, где Н. Валентинов увидел прежде всего «чугунную официальную теорию так называемого „социалистического реализма“, превращающую искусство в простую пропаганду идей», неимоверно далекую от понимания символизма и его «странных представителей». В воспоминаниях эмигрантов, считал Валентинов, много недосказанного и много очень важного, просто несказанного. Предлагал не доверять первому биографу А. Белого Мочульскому, который опирался в своей работе только на мемуары Белого, в то время как Белый всегда творил легенды вокруг себя, а свои трехтомные мемуары, вышедшие в 1930-е годы, сознательно писал в угоду советскому режиму. Автор предупреждает, что его отношения с московскими символистами сложились и развернулись в особой плоскости, и именно по этой причине он может о символистах сказать неведомое даже тем, кто близко их знал. Первое

знакомство Н. Валентинова с Андреем Белым состоялось в 1905 году, в 1907—1908 годы общение было наиболее тесным. В эти годы Валентинов считал, что марксизм под давлением изменившейся жизни, новых фактов потерял свою прежнюю стройность и находится в стоянии ревизии, и искал принципы новой небуржуазной эстетики у символистов. Н. Валентинов пишет о своих встречах не только с А. Белым, но и с фигурами менее известными, но сыгравшими большую роль в истории русского символизма: Эллисом (Л. Кобылинским) и М. Гершензоном. Встречи всегда сопровождались бурными спорами: обсуждались проблемы культуры, мистического и религиозного характера, вопросы взаимоотношений Запада и Востока, призвания России: может ли она европеизироваться, или «каналы европеизации засосут российские поля»? Дебатировались вопросы об индивидуализме и коллективизме, отношениях «Я» и «Мы», оптимистическом и трагическом мироощущении, о целях искусства, его общественном значении. Немало говорили о марксизме, о текущей партийной жизни той поры, о революции и ее будущем. Автор предупреждает, что его воззрения с тех пор изменились. Так, если в 1907—1908 годах для него основной задачей России была ее европеизация и отказ от самобытности, ибо европейская культура — и только она *одна* — есть культура *мировая*. Спустя пятьдесят лет эти взгляды он назвал устарелыми, так как в измененном мире европейский Запад, даже с включением в него США и Канады, уже не может претендовать на право первенства, на руководство *миром* и *Востоком*. Но в своей книге Н. Валентинов воспроизводит свои взгляды прошлых лет. Он дает меткие характеристики А. Блока и А. Белого — неожиданные и далеко не всегда совпадающие с привычными для нас образами. Впрочем, А. Блока Валентинов видел мельком два раза в жизни и судит о нем по рассказам Белого, которые привели к негативному восприятию А. Блока. Автор резко критично относится к личности и образу жизни поэта, к его творчеству. Он дает свой разбор стихам, пьесам, статьям Блока и видит в нем талантливого, но поверхностного изобразителя пустоты. Критично относится автор и к творчеству Белого, его стихам и прозе. Н. Валентинов с самого начала усомнился в поэтических достоинствах «Золота в лазури», а в «Симфонии» Белого увидел просто полоумную графоманию, написанную человеком ненормальным, в которой для большинства читателей, не вдохнувших «воздуха символизма», смысла нет. Разбор всех произведений автор ведет в контексте текущей политической жизни тех дней, показывая, как в произведениях отражается происходящее в России. Н. Валентинов имел возможность проследить, как зарождался у Белого первоначальный замысел «Петербурга» и как шла его последующая трансформация. В книге много живых сцен, одна из них — совместная поездка Белого и автора в Петровско-Разумовское, где когда-то по приказу Нечаева был убит студент Иванов. Автор прокладывает дорогу от реальных событий к «Бесам» Достоевского, отсюда к меняющимся концепциям «Петербурга» Белого. В Петровско-Разумовском у Белого случилась неожиданная вспышка, так напугавшая Валентинова, что он решил, что Белый все-таки помешанный и лучше держаться от него подальше. А. Белый — главный герой этих воспоминаний. Он предстает как человек, начиненный болезненно заостренным индивидуализмом, часто кардинально менявший свои взгляды. А еще — человек с острым предчувствием взрыва, который ждет Россию, катастрофы и «взрыва» всей современной культуры, во что сам Валентинов тогда не верил. Люди высокой культуры и неординарного мироощущения, Белый и Брюсов, Блок и Белый, Эллис, Гершензон, они жили в одном мире и их связывали сложные отношения, разобраться в которых пытается автор. Книга сюрпризов, где автор ломает сложившиеся стереотипы и предлагает свой, оригинальный взгляд на процессы, явления и людей.

Вячеслав Чирикба. Загадка Катерины. Кем была мать Леонардо да Винчи?
СПб.: Питер, 2018. – 160 с.: ил.

Об отцовской линии великого художника и ученого Леонардо да Винчи известно довольно много: его отец, флорентийский нотариус сер Пьеро да Винчи, происходил из семьи потомственных флорентийских нотариусов, известной еще со времен Данте. О матери сведений крайне мало. Известно, что звали ее Катерина, полной ясности о возрасте нет, происхождение — туманно. Есть два-три скудных упоминания о ней, один-два кратких документа, и это все. Есть и четыре записи, сделанные самим художником, из которых следует, что он поддерживал отношения с матерью, вероятно, помогал ей материально, возможно, с ним она провела в Милане последний год своей жизни, и именно он на свои средства устроил ее пышные похороны. Загадкой происхождения Катерины занялся абхазский ученый-филолог Вячеслав Чирикба. Он выдвинул гипотезу, согласно которой матью художника могла быть абхазская или черкесская рабыня, привезенная в Италию с Черноморского побережья Кавказа. То, что в архивах о Катерине и ее семье в Винчи до ее замужества нет данных, свидетельствует, что вряд ли она была местной. В Италии XV века женщина без фамилии, патронима и явного указания на место происхождения чаще всего была чужеземкой, причем низкого социального статуса. В те времена в этой стране такими являлись домашние рабыни. Среди исследователей у В. Чирикбы есть единомышленники. Среди них и А. Веццоци, директор музея Леонардо в Винчи, предположивший, что Катерина была не крестьянкой из Винчи (наиболее устоявшаяся версия), а турецко-османской рабыней, привезенной в Тоскану из Константинополя. Само имя ее Катерина относится к наиболее распространенным среди рабынь в Тоскане, дававшимся чужеземным невольницам с востока после католического крещения. Загвоздка в том, что нет документов о ее продаже. В. Чирикба подробно пишет о рабовладельческой торговле, которую вели генуэзские купцы в XIII—XV веках, привозя невольников с берегов Черного моря, имевшего в то время даже название Генуэзское. Важнейшим рынком рабов являлась Каффа (Феодосия), в XV веке главным торговым портом на всем Восточном Причерноморье становится Севастополь (Сухум). В последней четверти XIV — первой половине XV века именно Абхазия и Черкесия стали основными источниками поставок рабов в Каффу, а оттуда в Константинополь, Египет, Сирию и Италию. Демографический кризис в Италии, вызванный эпидемией чумы, породил спрос на рабов, в первую очередь домашних рабынь. В. Чирикба пишет и о динамике работорговли, и об этническом составе «товара» (а среди рабов были черкесы, болгары, абхазы, русские, половцы, адыги), и о положении рабов в Италии. Косвенно о том, что Катерина была рабыней, говорит и то, что, несмотря на вмешательство высоких покровителей, Леонардо не удалось получить ни долю наследства отца, ни завещанный ему дядей участок в Винчи: в Италии дети рабыни имели еще более ограниченные юридические, в том числе наследственные права, нежели просто незаконнорожденные. Так, сын свободного человека и рабыни не имел права поступить в университет, не мог учиться на нотариуса или стать членом профессиональной гильдии. Не эти ли ограничения повлияли на выбор профессии Леонардо? Кавказский след В. Чирикба ищет и в творчестве Леонардо да Винчи. Рукописное наследие Леонардо показывает, что художника определенно интересовал регион Малой Азии, Кавказа и Черного моря, откуда предположительно была привезена его мать. Остаются загадки. От кого мог художник получать сведения о Ближнем Востоке? Как звали одного из корреспондентов Леонардо, высокого чиновника из Сирии, и кем он был по национальности? Разделились мнения биографов по поводу того, совершил ли Леонардо путешествие на восток между 1482 и 1486 годами, — ин-

формации о жизни художника в эти годы нет. Еще одна тема, которая волнует автора: отражен ли мотив «горы Кавказа» в творчестве Леонардо? Специалисты не раз обращали внимание на то, что пейзаж на заднем плане многих его живописных работ совершенно не похож на тосканский пейзаж с его округлыми покатыми холмами. На заднем плане ряда картин изображены высокие горы, глубокие ущелья, бухты и заливы у изрезанного скалистого берега. Эти пейзажи принято считать «фантастическими». Или это как-то связано с родиной матери? Исследователи не отрицают, что разлученный в детстве с матерью Леонардо всю жизнь пытался воссоздать ее образ в своих шедеврах, и сквозь образы Мадонны и святой Анны проступают ее черты. Тема возобновления ранее утраченной связи между сыном и матерью присутствует и в загадках, и в афоризмах Леонардо да Винчи. Естественно, автор предлагает свое раскрытие тайны «Моно Лизы». И дает свою развернутую версию обстоятельств появления Леонардо на свет, его жизни в детские годы, проливает свет на жизненный путь его матери. Ни один исследователь до сих пор не упоминал абхазскую версию происхождения матери Леонардо. Ничего не утверждает окончательно и В. Чирикба, он сам говорит, что, придерживаясь этой гипотезы, мы попадаем в область догадок и предположений. Он взвешивает все *pro et contra*, приводит свидетельства современников Леонардо, мнения исследователей и уведомляет, что представленные в данном эссе гипотезы и предположения основываются на косвенных свидетельствах, которые могут иметь и другую интерпретацию.

Морис Дрюон. Париж от Цезаря до Людовика Святого. Истоки и берега.

Пер. с фр. Н. Васильковой, С. Васильковой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 352 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

Морис Дрюон (1918—2009), известный нам автор саги «Проклятые короли», в этой книге выступает как историк, но историк со склонностями романиста. В книге «Париж от Цезаря до Людовика Святого» главный персонаж — город, выросший из глухой галльской деревушки Лютеция. «Остров Лютеция мирно дремал посредине реки, пока весенним днем 53 года до Рождества Христова не появился здесь Юлий Цезарь», решивший провести Галльскую ассамблею в ближайшем к мятежным территориям населенном пункте — в Паризиоруме, главном городе паризиев Лютеции. Стоило Цезарю покинуть Лютецию, паризии взбунтовались. Их войско римляне разгромили там, где ныне расположены Марсово поле и Военная школа. В этой книге древний город, казалось бы навсегда скрытый мглой веков, явственно присутствует в современном Париже. На месте Нотр-Дам-де-Пари стояла колонна Юпитера. Камни, из которых она была сложена, нашли строители XVIII века, когда закладывали фундамент для клироса кафедрального собора Парижской Богоматери. В Латинском квартале жили галло-романские горожане Тетрикус, Солимарус, Сердус и Марцеллус, их имена вырезаны на сохранившихся каменных креслах цирка. На площади Одеон находился самый первый парижский театр, где римляне смотрели пьесы Сенеки, Теренция и Плавта. Еще до конца I столетия нашей эры город обзавелся своим первым революционером и первым собственным святым — Дионисием, или, на французский лад, Дени, не пожелавшим принести в обмен на жизнь жертвы языческим богам. Ему и его соратникам отрубили голову, а гора, где была совершена казнь, и по сей день называется горой Мучеников, *Mons martyrum* на латыни, Монмартром. Сегодняшние парижские пригороды — это поля сражений Людовика Бодрого с герцогствами и крупными сеньориями королевства за увеличение своего домена. И во времена его же правления (конец XI — первая половина XII века) прославился молодой человек, благодаря которому за Парижем

утвердилась репутация столицы духа. Его звали Абеляр. И его «школа» стала зародышем учреждения, меньше чем через семьдесят пять лет после смерти великого педагога получившего название Парижского университета. «В истории первых веков его существования, часто весьма туманной и неопределенной, я прилагаю особые старания к тому, чтобы различить человека, людей, тех, чьи деяния, следуя одни за другими, сотворили его (Парижа) легенду и соткали его судьбу», — пишет Дрюон. И оживают образы тех, кто закладывал фундамент французской столицы: Юлия Цезаря, Юлиана Отступника, враждующих королей Фредегонды и Брунгильды; Карла Великого, первой ясновидящей и первой святой Женевиэвы, чье имя носила сначала только часовня, а потом и улица, на которой стояла часовня с ее мощами, и, наконец, целая «гора». Высоко оцениваются заслуги перед Парижем и Францией Людовика Святого. Ряд признанных героев французской истории, вопреки реальности наделенных высокими добродетелями, коих они сроду не имели, Дрюон оценивает критически. К таким деятелям он относит и Карла Великого, при царствовании которого в Париже или для Парижа не было сделано ничего. Он пишет и о подлинных, незаслуженно забытых и иногда оболганных героях Франции, памятников которым нет в Париже. Среди последних и римский военачальник Аэций, прогнавший гуннов во главе с Атиллой с территории Галлии. Париж, получивший это имя в начале VI века при короле франков Холдиге, знал взлеты, упадки и вновь подъемы. Сменялись династии — Меровинги, Каролинги, Капетинги, сменялись властители, среди кровопролитий и убийств отцов, братьев, детей прокладывая себе дорогу к верховной власти. История зверств и преступлений красочно изложена Дрюоном. И закономерным предстает разочарование оказавшейся в варварской среде Анны Ярославны, чья судьба во Франции подробно изложена автором. И все-таки герой книги — Париж. Дрюон рассказывает, как шло формирование облика Парижа, каким мы знаем его и сегодня. Базилика Святой Женевиэвы, превратившаяся в Пантеон. Рождение Сорбонны. Реконструкция Сен Дени, что помогла родиться французской готике. Именно от Сен Дени пошли удивительные строения, свидетельства воплощенной в камне веры: Шартр, Амьен, Реймс. И прежде всего — собор Парижской Богоматери. Париж знакомый и незнакомый. В сборнике эссе «Истоки и берега» Дрюон поэтически рассказывает о Средиземном море, на берегах которого зародились начала культуры человечества. Эти тексты родились из путешествий, чтений, раздумий. Многоликий Прованс, сочетающий в себе множество противоречий и контрастов; неспешная прогулка по кладовой человеческого гения — Флоренции; сицилийские прогулки; остров искателей грез, фантазеров, влюбленных, низложенных монархов и революционеров Капри. В архитектуре собора Святого Петра в Риме, в его колоннаде Дрюон увидел жест Бога, обнимающего созданный Им мир. А в заключение пригласил нас на Кипр, причал цивилизаций, на остров любви со всеми его прелестями и драмами и историей. Туда, где боги породили Афродиту, победоносно явившуюся из радужной морской пены на западном побережье; туда, где на восточном берегу, в Фамагусте поэт убил свою Дездемону.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)